

Георгий Виллиам

Побежденные

Георгий Яковлевич Виллиам

Побежденные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22603601

Аннотация

«Мы подходили к Новороссийску. Громоздились невысокие, лесистые горы; море было спокойное, а из воды, неподалеку от мола, торчали мачты потопленного командами Черноморского флота. Влево, под горою, белели дачи Геленджика...»

Содержание

Моя родина	4
Бурачки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Георгий Виллиам

Побежденные

Моя родина

Мы подходили к Новороссийску. Громоздились невысокие, лесистые горы; море было спокойное, а из воды, неподалеку от мола, торчали мачты потопленного командами Черноморского флота. Влево, под горою, белели дачи Геленджика.

Под самым городом сиротливо торчали высокие трубы и громоздились большие здания двух цементных заводов, конечно, «справляющих революцию», т. е. бездействующих. Городские здания красиво расположились по правую сторону бухты; чернели дебаркадеры пристаней, элеватор. Кое-какие постройки сгруппировались около заводов, подошли к белому кружеву прибоя; а на вершине самой высокой горы, как голубь на колокольне, белел крохотный домик, вокруг которого ползали по горе неясные черные точки. Как я узнал потом, домик этот был правительственной обсерваторией для метеорологических наблюдений. Подвижные точки по горе — было стадо проживавшего наверху астронома, которого почему-то называли «гастрономом»

Когда наш пароход наконец бросил якорь и остановился

на рейде против английского крейсера-стационара, ко мне подошел с раскрытым от удивления ртом маленький, похожий на макаку, человек в коротенькой курточке пароходного «боя» и с некоторым недоверием в голосе спросил: «That is your country?»

Человек этот в течение трехнедельного плавания от Лондона до Новороссийска прислуживал мне в каюте и за столом и еще накануне выразил уверенность, что я дам ему «на чай» не менее английского фунта.

– Потому что, – ломаным английским языком разъяснил он свою претензию, – у меня на родине вот такие маленькие дети, – он показал на четверть аршина от палубы, – а вы, сэр, человек богатый, потому что вы едете в первом классе и у вас большой багаж.

Однако едва ли не при первом взгляде на берег, против которого мы остановились на рейде, уверенность в том, что он получит от меня фунт, видимо, сильно поколебалась. Человек-обезьяна, выдававший себя за португальца, метис с Суматры, смерил меня высокомерным взглядом и переспросил:

– Это ваша родина?

Делать было нечего: приходилось сознаться, что мы действительно прибыли наконец в мое богоспасаемое «интернациональное» отечество, в территорию, занятую Добровольческой армией.

А картина на берегу открывалась неприглядная.

Стоял чудесный солнечный сентябрьский день, и горный пейзаж вокруг залива был восхитителен. Но в этой прекрасной раме из голубого неба и темно-зеленых гор тянулись вдоль берега неопрятные казенные выбеленные сараи, у которых стояли на часах оборванные, обросшие солдаты в папах, солдаты, скорее похожие на опереточных бандитов, чем солдат. Уныло тянулись на рельсах вдоль сараев ряды разбитых загаженных вагонов. Резко посвистывали жалкие инвалиды-паровозы, покрытые копотью и ржавчиной. Далее, поднимая облака белой цементной пыли, медленно ползли грузовые автомобили. Между путями бродили тощие поросята, куры; бездомные псы рылись и грызлись в кучах мусора; несколько оборванцев безучастно глазели на пароход. С криком носились чайки и дрались из-за плавающих у берега арбузных корок и отбросов с кораблей.

Из дверей товарного вагона вышла и неловко спрыгнула на-землю молодая миловидная женщина, одетая по-городскому, и тотчас же вступила в мимическую беседу с нашими кочегарами, облепившими борт с кормы. Женщина показывала что-то руками и кричала; кочегары-индусы отвечали ей и ржали от удовольствия, сверкая своими жемчужными, зубами.

Несколько грязных закопченных катеров тотчас же подошли и причалили к пароходу; а один начал плавать вокруг, и сидевшие в нем два черномазых господина жадно искали чего-то на палубе глазами и что-то кричали матросам. Мат-

росы дождалась, когда они подъехали вплотную и, при громком хохоте, окатили их водой. Катер с отчаянной бранью быстро отошел и снова начал, пофыркивая скверным двигателем, словно откашливаясь, плавать вокруг.

Быстро покончил с проверкой документов английский военный контроль, и на пароход поднялся по трапу безусый подпоручик в низкой кубанской папахе, с трехцветной нашивкой на рукаве. За ним, лениво волоча винтовку, взобрался оборванный солдат.

Нас, русских пассажиров, было на пароходе всего четверо; пароход был военный и привез в Новороссийск груз снарядов и взрывчатых веществ.

Офицер с нашивкой подошел, приложил руку к папахе, отрекомендовался комендантским адъютантом и сейчас же спросил, не желает ли кто-нибудь из нас обменять иностранную валюту на русские донские деньги.

Видимо, несколько конфузясь, он добавил:

– Знаете, это мой долг, чтобы вас не обманули спекулянты... Вот они... Уже пронюхали, что есть пассажиры. А вы думаете, они станут даром жечь бензин? Нет, они очень даже знают, зачем пожаловали...

Вынув бумажник, адъютант сообщил, что у него случайно есть при себе несколько тысяч, и предложил обменять их – из любезности. Мы согласились, потому что русских денег у нас действительно не было; однако после оказалось, что предупредительный поручик жестоко нас надул.

За это он посвятил нас в местные злобы дня.

– Видите, – показал он на своего солдата с винтовкой су-рово поглядывавшего на нас, – этого молодца я вожу с собой повсюду, потому что нет сладу со спекулянтами. Знают, подлецы, что я встречаю все заграничные пароходы, и липнут: возьмите да возьмите с собой, поручик. Раз я взял одного грека с собой на пароход, – уверил, что мать его с сестрой из Константинополя приехали, – так что же вы думаете? Ни матери, ни сестры не оказалось, а он за два с чем-то часа двести тысяч рублей заработал, весь пароход ограбил да еще мне, каналья, осмелился двадцать тысяч за содействие предложить! Да это еще ничего: они вышки особые на крышах у себя понаделали да в бинокль и следят – не покажется ли от Геленджика пароход. Разбойники!

Потом поручик рассказал, что теперь в Новороссийске, слава богу, спокойно: стрельбы на улицах почти совсем не бывает, и совершенно притихли «зеленые».

Видя недоумение на наших лицах, он спохватился и объяснил.

– Зеленые – это просто бандиты.

Поручик бегло посмотрел на солдата; тот потупился, и едва заметная усмешка скользнула по сжатым губам: – Знаете, дезертируют в горы и грабят. Ну, особая вражда к офицерству. Конечно, и мы их не милуем. Но теперь притихли; а прежде, бывало, на базаре господ офицеров обезоруживали...

Солдат ухмыльнулся; поручик сверкнул глазами, но промолчал; потом откозырял на прощанье и уехал и, пообещав прислать за нами катер, посоветовал больше сотни не платить.

– А то они готовы шкуру снять с приезжего, особенно, когда увидят, что интеллигент... Хуже зеленых, могу сказать... Словом, народец!

Через час приехал обещанный катерок. На корме сидел весь вымазанный углем мальчик в серой бараньей шапке-бадейке. Босой и гибкой, как у обезьяны, ногой, совершенно черной от присохшей к ней грязи, он ловко правил рулем и, сверкая белыми зубами, с аппетитом ел арбуз с хлебом. Когда катер, описав полукруг, причалил к трапу, я спросил у мальчика:

– Сколько стоит этот арбуз?

Мальчишка вскинул на меня из-под бадейки смелыми, серыми глазами и ответил нехотя:

– Пятьдесят рублей.

Я полюбопытствовал:

– Сколько же ты получаешь жалованья, если можешь есть такие дорогие арбузы?

Мальчик, продолжая откусывать сочные, кровяно-красные куски, ответил:

– Полтора в день.

– Рублей?

– А что?

Мальчик продолжал есть свое дорогое кушанье с невозмутимым спокойствием, по-видимому, находя совершенно нормальным, что арбуз стоит пятьдесят рублей, что ему платят полтора в день и при этом он выглядит совершенно голдранцем. Во взгляде его серых глаз я уловил что-то очень близкое к тому, что заметил в усмешке солдата, когда поручик говорил о зеленых; не то насмешку, не то угрозу.

На берегу, куда нас доставил катер – увы! – не за сотню, как нам обещал адъютант, – наш багаж был с величайшей тщательностью осмотрен таможенными, заставившими нас вдобавок прождать до самого вечера. И вот я – опять на родине!

Едкая цементная пыль, чахлые желтые цветы, дичь и мерзость. Под дебаркадерами великолепно оборудованного порта кучи мусора, толпы слоняющихся оборванцев в белых холщовых рубашках и штанах, в фуражках цвета хаки.

– Красные, пленные, – мотнув на унылые фигуры, сказал нам рулевой, сдвинул бадейку на затылок, и катер запыхтел и запрыгал по коротким зеленоватым волнам порта среди арбузных корок и всякой дряни, плавающей в воде.

Скоро около наших чемоданов, сваленных кучей, собралась толпа; началась торговля насчет платы носильщикам. Цены заламывали невероятные; а со стороны посматривал на нас казак с винтовкой за плечами и нагайкой в руках. Плечи у казака были широкие, лицо рябое, взгляд разбойничий; а в легкой усмешке опять почувствовалось что-то неуловимое,

похожее на то, что было в серых глазах мальчишки с дорогим арбузом и солдата с винтовкой, когда он смотрел на своего поручика.

Сделалось тошно; потянуло назад на пароход, к хорошо одетым людям с добрыми лицами и приветливыми глазами. Возврата не было.

«Это ваша родина?» – вдруг припомнил я испуганную рожицу пароходного боя и, грешный человек, на этот раз не обиделся на него и даже пожалел, что вместо ожидавшегося им фунта положил в его черную лапку с белой ладонью всего два шиллинга.

Родина встречала меня во всем смраде своего оголтения, нищеты и унижения.

А над портом кричали чайки и, быстро меняя цвета, постепенно темнели горы. Над домиком «гастронома» робко вспыхнула первая звезда.

Бурачки

Не розами встретила нас родина, но первую ночь мы провели все-таки под кровом. Поверив на слово комендантскому адъютанту, что в Новороссийске «почти совсем не стреляют», мы долго бродили в темноте по цементной пыли дурно замощенных улиц. Ночь была черная, южная, небо цвета глубокой лазури, все в сияющих золотых звездах. Жутко было в потемках среди низеньких домишек с закрытыми ставнями, какие-то тени жались вдоль стен: что-то хищное затаилось, казалось, в тишине и мраке, Изредка вырывался сноп яркого света из раскрытого греческого ресторанчика, вырывался с волной музыки, с обрывками песен и пьяных криков. Город веселился в темноте и тайне. Долго ходили мы по неосвещенным улицам, к нашему счастью не зная, чем мы рисковали в этом городе, в котором «почти не бывает стрельбы» по ночам.

Переночевали мыс женой в душной, вонючей, с клопами, комнате у столетнего еврея, николаевского солдата. Впустив нас за невероятную цену, по рекомендаций какого-то случайно натолкнувшегося на нас почтальона, в свою квартиру, еврей наглухо запер двери и окна и даже забаррикадировал изнутри мебелью. Похоже было, что он опасался нападения разбойников и готовился выдержать осаду.

На наш вопрос о причинах такой осторожности старик от-

ветил коротко:

– Режут.

Он принес огарок в медном шандале, присел к столу, пригладил свою пожелтевшую по краям от старости бороду и сказал:

– И что такое сделалось с людьми? Вчера рядом семью за-резали. Только ребенка грудного оставили. Бог на нашу Россию сердится.

Старик, кряхтя и кашляя, вышел и заперся. Огарок догорел. Мы долго сидели в потемках; скреблись мыши, жалили клопы; душно было. Но усталость взяла свое.

Проснулись – солнце. Бьют сквозь щели в ставнях яркие лучи. Слава богу, отдохнули и, ободренные хозяином выше всякой меры, мы вышли искать квартиру.

Не знаю, что с нами было бы, если бы мы случайно не встретили мальчика в бараньей шапке, перевозившего нас в город на катере, того самого, который получал полтораста рублей в день и рулем правил не руками, как все, а ногой. В городе мышьиной норы не было: все было занято.

Звали мальчугана Павликом, и он посоветовал нам сходить к его маме.

– Может, пустит... Добровольцы все комнаты реквизи-ровали... Ступайте на нефтекачку, спросите, где живет Бурачек. Бурачек – мой папаша.

Долго мы шли по улицам, мимо площадей, обнесенных колючей проволокой, заставленных сломанными лафетами,

зарядными ящиками, автомобилями, орудиями. Прошли мимо вокзала, перелезли через виадук, под которым сновали паровозы, и, наконец, подошли к двухэтажному кирпичному дому с вывеской «Контора нефтекачки». У ворот мы увидели красивого кудрявого парня лет восемнадцати. Он оказался братом Павлика и предложил обождать маму, ушедшую на базар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.